

Литература мудрости Ветхого Завета и древнего Ближнего Востока

№23, 2018 // © В. ГЕРАСИМЧУК, 2018

Богословие

30

Аннотация. Статья рассматривает наиболее важные аспекты, связанные с понятием мудрости в древнем Израиле и на древнем Ближнем Востоке. На примере различных текстов из книг мудрости Ветхого Завета и ближневосточной литературы мудрости демонстрируются параллели и отличия, тематические акценты, базовые ценностные установки, лежащие в основе мудрости древних. В статье особое внимание уделяется так называем кризисным текстам, их содержанию и роли в древней литературной традиции мудрости.

Ключевые слова: мудрость, литература мудрости, Израиль, древний Ближний Восток, Иов, теодицея.

В статье в популярной форме обсуждается вопрос сходства и отличия литературы мудрости древнего Ближнего Востока и ветхозаветных книг мудрости.^[1] Под ветхозаветной литературой мудрости имеются в виду прежде всего книги, которые «технически» относятся к «сапиентальному» жанру, а именно Иов, Притчи и Екклесиаст.^[2] Рассматривая всевозможные параллели между литературой мудрости Ветхого Завета и древнего Ближнего Востока, исследователи пытаются определить не только степень схожести, но и признаки их влияния друг на друга. Следует отметить сразу, что категоричные утверждения, вроде полной зависимости ветхозаветной литературы мудрости от литературы этого же жанра на древнем Ближнем Востоке или, наоборот, ощутимого влияния древних еврейских авторов на своих языческих коллег по перу, едва ли уместны.^[3]

Вячеслав Герасимчук, докторант, преподаватель Одесской богословской семинарии, г. Одесса, Украина.

Принципы упорядоченной жизни как основа мудрости

◆ Немецкий исследователь Хуго Грессман как-то отметил, что «Палестина была коридором как для армий, так и для идей».^[4] К этому можно добавить — еще и для торговых караванов. Как только письменность стала более или менее распространенным явлением, появились и люди, чьей основной профессией было создание письменных документов, копирование текстов, вследствие чего важные литературные творения достигали немногочисленных читателей и досуществовали до нашего времени. В глубокой древности благодаря *эдуббам* (дома табличек), специальным шумерским школам письма, письменные произведения вообще и литература мудрости в частности еще в конце третьего тысячелетия до н.э. начали формировать культурный и интеллектуальный облик древнего человека.^[5]

Думаю, не стоит кого-то убеждать, что мудрость не является отличительной чертой какой-то одной нации — нет такого народа, который бы обладал монополией на мудрость. Сами евреи, какой бы обособленный образ жизни они ни вели, не отделялись настолько сильно, чтобы забыть о существовании других народов и наиболее ярких представителях среди мудрецов, мыслителей, составителей притчей, поэм, поучительных историй, основной целью которых было научить читателя поступать правильно, открыть перед ним преимущества мудрой жизни. Косвенное подтверждение осведомленности еврейских авторов о мудрецах вне Израиля можно обнаружить в 3 книге Царств: «И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян. Он был мудрее всех людей, мудрее и Ефана Езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола, и имя его было в славе у всех окрестных народов» (4:30-31).

^[1] Статья представляет собой переработанный вариант доклада, прочитанного на богословской конференции в Киевской богословской семинарии 9 марта 2013 г.

^[2] В действительности библейская литература мудрости включает не только материал этих книг. К этому жанру можно отнести некоторые тексты из других библейских книг (некоторые псалмы, повествование о Данииле в книге этого пророка, рассказ об Иосифе и т.д.).

^[3] Касаюсь критики источников, интелесно отметить, что обнаружение параллелей с литературой подобного рода на древнем Ближнем Востоке послужило к смягчению позиции по датировке библейской литературы мудрости. Когда исследователи обнаружили небиблейские тексты, относящиеся к категории литературы мудрости (некоторые из произведений этого

жанра были написаны еще в третьем тысячелетии до н.э.), то эти находки подвигли ученых к тому, чтобы поставить под сомнение доминирующую теорию о послепленном происхождении библейских книг мудрости. См. Gerhard von Rad, *Wisdom in Israel*, (London: SCM Press, 1972), 9.

^[4] R.B.Y. Scott, *The Way of Wisdom in the Old Testament* (New York: The Macmillan Company, 1971), 24.

^[5] Конечно, можно более подробно остановиться на том, что часто в языческих странах мудрость в виде изречений, советов и инвектив формулировалась в кругах не только жрецов, книжников, писцов, лиц, принадлежащих к царской администрации (как это было и в Израиле), но также в окружении разного рода колдунов, предсказателей и т.д., но это тема для более подробной дискуссии.

Довольно рано в Израиле установилась собственная *табель* о народных просветителях-властителях умов: «А они сказали: «придите, составим замысел против Иеремии; ибо не исчез же закон у священника (*тора микохэн*) и совет у мудрого (*вээца мэхахам*), и слово у пророка (*вэдавар миннави*); придите, сразим его языком и не будем внимать словам его» (Иер. 18:18). Благодаря этой триаде – священнику, мудрецу и пророку – народ получал знание о разных аспектах жизни. С детства каждый еврей, сначала от родителей, а потом и у кого-то из этой тройки, постигал азы мудрого жития.^[6] В обучении основное место отводилось личному примеру, словам наставления, использованию аксиологических понятий-ярлыков, таких как «мудрый» и «глупый», «чистый» и «нечистый», «честь/слава» и «стыд/срам».^[7] Ребенок очень скоро узнавал, что такие понятия, как, например, «мудрый» и «глупый» не исчерпываются исключительно интеллектуальной сферой их приложения. В центре большинства таких воспитательно-образовательных акцентов лежало отношение к Богу и Его повелениям. В конечном итоге мудрым оказывался вовсе не тот, кто имеет энциклопедические познания или богатый жизненный опыт, а человек, руководствующийся заповедями Божиими в своей жизни, а глупым – не тот, кто не может сложить 2 и 2, а тот, кто сознательно отвергает руководство свыше и живет по принципам, далеким от Божьих.

Невозможно дать одно точное, емкое и вместе с тем всеобъемлющее определение мудрости, как ее понимали древние евреи, а также жители Месопотамии и Египта. Слово «мудрый», *хахам*, можно встретить в Ветхом Завете в самых разных и порою неожиданных контекстах. Так, оно встречается в Пятикнижии (Исход 28:3; 35:33) в описании людей, которых Бог призвал построить скинию («И всякий из вас мудрый сердцем пусть придет и сделает все, что повелел Господь» (Исх. 35:10)); в исторических книгах этим словом характеризуется друг Амнона Ионадав, который помогает Амнону овладеть его сестрой (2 Цар. 13:3), в пророческой литературе – умелый художник, делающий идолов (Ис. 40:20). Очевидно, что термин «мудрый» ассоциируется с человеком, обладающим умением, навыком что-либо делать, способным читать ситуацию и давать добрый совет (административная мудрость), умением проявить сноровку в трудной ситуации. Если обратиться к библейской литературе мудрости, то в ней акцент ставится прежде всего на мудрости как определенной составляющей характера. Исходя из такой перспективы, муд-

^[6] Бленкинсоп отмечает, что «исходная посылка древней ближневосточной традиции мудрости состоит в том, что мудрость представляется таким качеством жизни, которому можно научиться. По этой причине книга Притчей акцентирует важность дисциплины и образования, что можно обнаружить в многочисленных упоминаниях о мудрых и глупых сыновьях (см., например, 10:1; 15:20; 19:13)». Joseph

Blenkinsopp, *Wisdom and Law in the Old Testament: The Ordering of Life in Israel and Early Judaism* (Oxford: Oxford University Press, 1995), 29.

^[7] См. детальное рассмотрение функции понятий-ярлыков в образовании в Victor H. Matthews, Don C. Benjamin, *Social World of Ancient Israel* (Peabody: Hendrickson, 1993), 142-154.

рый — это человек, способный руководствоваться здравым смыслом, отличающийся правильным образом мышления и живущий в гармонии с созданным Богом порядком.^[8]

Общность социальных и культурных контекстов во многом определяет отклик человека на различные жизненные ситуации. Наиболее искусные установки, советы, предостережения нашли свое отражение в произведениях, которые традиционно относят к жанру мудрости. Исследователи неоднократно отмечают, что в отношении порядка и душевной гармонии у создателей древнееврейской литературы мудрости и древних ближневосточных авторов были схожие подходы. Многие в культуре или традиции мудрости в Израиле и у других народов древнего Ближнего Востока развивались на уровне высокого контекста (по Эдварду Холлу). И у тех, и у других существовало мнение, что следование определенному правильному пути, правильному направлению в жизни обеспечивает человеку долгую и счастливую жизнь. Такой сценарий будет возможен только тогда, когда принципы и образ жизни человека соответствуют стандартам, предъявляемым божественной мудростью.

Ценгер отмечает, что «перспектива взаимосвязи действия и его результата лежит в основе всякой педагогики повседневности, желающей создать побудительные стимулы к добру и удержаться от зла».^[9] Он также указывает на то, что «эта взаимосвязь предполагает основное знание добра и зла, и прежде всего знание об устройстве добра в жизни отдельного человека, семьи, общественных групп, государства и народов, обустройстве добра во всем космосе... Поэтому премудрость тратит много сил на то, чтобы распознать это устройство в его многослойности, чтобы сформулировать его и научить ему...».^[10]

В Древнем Египте бытовала идея маат, олицетворяющая мудрость, служащую основой миропорядка. Довольно трудно дать точное определение понятию «маат». Это и некий принцип, порядок, но он также персонафицируется богиней Маат. Возможно, здесь существует некоторая параллель с мудростью, предстающей в виде женщины в первых главах книги Притчей.^[11] В высоком поэтическом смысле можно сказать, что, согласно верованиям древних, у мудрости женское лицо...

^[8] Ср. Blenkinsopp, *Wisdom and Law in the Old Testament*, 23.

^[9] Э. Ценгер, ред. *Введение в Ветхий Завет* (Москва: ББИ, 2008), 432.

^[10] Ibid. «Всеобъемлющий порядок жизни охватывает и владеет даже самим миром богов. Этот исконный порядок, управляющий богами и миром, шумеры называют «МЕ», египтяне — «маат», а израильтяне — «цедака». Искусство жизни, согласно учению премудрости, состоит в том, чтобы распознать в течении жизни всеобъемлющий порядок и укреплять этот порядок,

творя праведность (аксиома: праведность создает «шалом» — «счастье, мир»)). Ценгер, *Введение в Ветхий Завет*, 432. См. также В.В. Акимов, «Литература мудрости: Древний Израиль и страны Ближнего Востока», *Труды Минской духовной семинарии* 6 (2008), 135.

^[11] см. Tremper Longman III, *How to Read Proverbs* (Downers Grove: InterVarsity Press, 2002), 68; Daniel J. Estes, *Hear, My Son: Teaching and Learning in Proverbs 1-9* (Leicester: Apollos, 1997), 28-30.

Можно привести множество примеров схожих мотивов, параллелей на уровне содержания, литературных приемов, тона, что, в общем-то, авторы, исследующие данный вопрос, часто делают. Нет смысла приводить детальный список древних литературных источников, которые содержат или могут содержать какие-то параллели с ветхозаветной литературой мудрости. Любой желающий может найти эту информацию в более или менее серьезной литературе, посвященной вводным темам Ветхого Завета (Ла Сор, Ценгер и др.).

Обычно в учебниках по введению в Ветхий Завет приводится традиционный перечень книг, содержащих определенные схожие мотивы, темы, способы выражения этих тем и т.д. Чаще всего в подобных списках фигурируют такие произведения, как «Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», «Премудрость Птаххотепа», «Поучение Амемопе», «Беседа разочарованного со своей душой», «Речение Ипувера», сборники вавилонских притч, «Поучения Шуруппака», шумерская поэма «Человек и его бог», так называемая «Вавилонская теодицея» и др. Большая часть из этих и других книг была написана задолго до Соломона и других еврейских составителей писаний мудрости, хотя некоторые из этих произведений дошли к нам не на языке оригинала (к примеру, на аккадском языке), а, например, в арамейском переводе, т.е. в копии намного более позднего происхождения.

Поскольку данная статья не преследует цели подробного рассмотрения вопроса параллелей, остановимся на нескольких источниках и постараемся уделить больше внимания наиболее очевидным аналогиям в содержании. Что касается литературных приемов и формы, то литературная родственность произведений мудрости в Библии и на древнем Ближнем Востоке выражается использованием разного рода параллелизмов, характерной лексики, акростиха и четырьмя основными формами: изречение, поучительная речь, поучительное стихотворение и поучительный рассказ.^[12]

Примеры

◆ Давайте попробуем почувствовать созвучие библейской и древнеближневосточной литературы мудрости на ряде примеров. Некоторые аккадские пословицы звучат, как библейские притчи. Например,

«Не расширяя рта, смотри за своими устами...
Если скажешь поспешно — потом пожалеешь,
в молчании будешь себя упрекать».^[13]

^[12] Ценгер, *Введение в Ветхий Завет*, 431; Акимов, «Литература мудрости...», 135-136. Cf. von Rad, *Wisdom in Israel*, 26. Наиболее подробно из проработанных мной статей и книг вопрос формы рассматривает Китчен (К.А. Kitchen) в статье «Proverbs and the Wisdom Books of the Ancient Near

East: The Factual History of the Literary Form», *Tyndale Bulletin* 28 (1977), 69-114. Ознакомиться с той же темой, но в несколько более сжатом виде, можно из книги Джона Уолтона (John H. Walton), *Ancient Israelite Literature in Its Cultural Context* (Grand Rapids: Zondervan, 1990), 176-177.

*«Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою;
а кто широко раскрывает свой рот, тому беда»
(Пр. 13:3).*

В античные времена широкое распространение имели притчи Ахикара, полуполюгендарного мудреца, который состоял на службе у ассирийского царя Синахериба (библ. Сеннахирим, время правления ок. 705-680 гг. до н.э.). К сожалению, у нас нет этого произведения на языке оригинала. Наиболее древняя версия поучений Ахикара – это папирус, написанный на арамейском языке и датированный пятым веком до н.э. Стоит вчитаться в эти тексты – и можно сразу же заметить их ощутимое сходство с книгой Притчей:

*«Сын мой, не разглашай о том, что слышишь
и не говори о том, что видишь».*

*«Кто ходит переносчиком, тот открывает тайну;
и кто широко раскрывает рот, с тем не сообщайся»
(Пр. 20:19).*

*«Лучше с учеными таскать камни,
чем с глупыми пить вино».*

*«Лучше встретить человеку медведицу, лишенную детей,
нежели глупца с его глупостью» (Пр. 17:12).*

*«Не гневайся, когда благоденствует твой враг,
и не ликуй, когда он попадает в беду».*

*«Не радуйся, когда упадет враг твой,
и да не веселится сердце твое, когда он споткнется» (Пр. 24:17).^[14]*

*«Обуздай сына своего, когда он еще мал,
прежде, чем он станет сильнее тебя,
пойдет против тебя и опозорит тебя дурными делами».*

*«Наказывай сына своего, доколе есть надежда,
и не возмущайся криком его» (Пр. 19:18).*

Несколько слов стоит сказать об особом роде литературы, так называемом *себаит*, «учение» или «наставление», которое получило широкое распространение в Египте со времен глубокой древности (со второй половины III тысячелетия до н.э.). Будучи не только одной из самых древних форм литературы, но и самых популярных и продолжительных видов литературы мудрости, просуществовавших почти две тысячи лет, эти дидактические трактаты с их вводной формулой «Начало наставления, которое А сделал для своего сына Б» предназначены передать целый комплекс поучений юноше, сыну или ученику, подготовить его к

^[13] «Аккадские поговорки», *Ассиро-вавилонский эпос*, под ред. И. Брагинского (Санкт-Петербург: Наука, 2007), 132.

^[14] Притчи провозглашают необходимость демонстрировать еще большее со-

страдание, причем не только чувствами, но и действиями: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою...» (Пр. 25:21).

жизни, способствовать формированию лучших качеств характера, таких как честность, прилежание, трудолюбие, самоконтроль.^[15]

Один такой *себаит*, «Поучение Аменемопе» (прибл. XI в. до н.э.), является, пожалуй, наиболее широко известным произведением, содержащим примеры параллелей с ветхозаветной книгой Притчей. Со времени первой публикации фотовоспроизведений и английского перевода «Поучения Аменемопе» в 1923 году было проведено множество исследований текста этого сочинения, которые демонстрируют концентрацию параллелей в одной из частей книги Притчей (22:17-24:22).^[16] Ограничимся двумя примерами:

«Преклони ухо, внимай сказанному,
обратись, чтобы истолковать это,
полезно закрепить это в твоей голове,
но вредно тому, кто пренебрегает этим»

«Преклони ухо твое и слушай слова мудрые,
и сердце твое обрати к моему знанию,
потому что утешительно будет,
если ты будешь хранить их в сердце твоём,
и они будут также в устах твоих» (Пр. 22:17-18);

«Не братайся со вспыльчивым,
не приближайся к нему для разговора...
пусть он не завлечет тебя и не набросит петли на тебя...»

«Не дружись с гневливым и не сообщайся с человеком вспыльчивым,
чтобы не научиться путям его и не навлечь петли на душу твою»
(Пр. 22: 24-25).

Здесь не совсем уместно погружаться в самую гущу дискуссии по поводу оригинальности и направления влияния этих текстов. Отметим только, что вопрос оригинального авторства/происхождения отрывка книги Притчей 22:17 – 24:22 чаще решается в пользу египетского произведения (т.е. «Поучения Аменемопе»), хотя некоторые исследователи утверждают первичность еврейского текста или существования ныне утерянного произведения, часть которого использовал как автор Притчей, так и автор «Поучения Аменемопе».^[17] Для желающих более обстоятельно разобраться в этой теме можно порекомендовать книгу Джона Каррида (John Currid) «Ancient Egypt and the Old Testament».^[18] В ней автор приводит краткий список источников (почти 30 наименований), которые рассматривают вопрос характера связи между Аменемопе и книгой

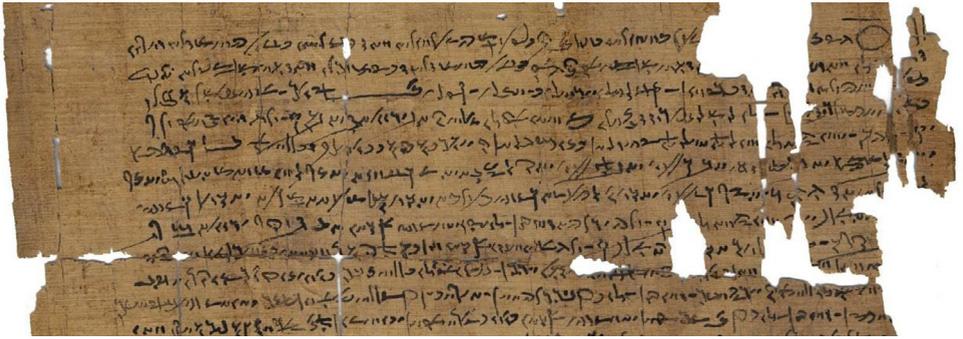
^[15] R.E. Murphy, *Wisdom Literature and Psalms* (Nashville: Abingdon Press, 1983), 23. См. также R.E. Murphy, *The Wisdom Literature: Job, Proverbs, Ruth, Canticles, Ecclesiastes, and Esther* (Grand Rapids: Eerdmans, 1981), 11.

^[16] von Rad, *Wisdom in Israel*, 9.

^[17] См. R. Rendtorff, *The Old Testament: An*

Introduction (Philadelphia: Fortress Press, 1986), 256.

^[18] см. стр. 207-216. Еще более подробно этот вопрос рассматривается в статье Джона Раффла (John Ruffle), “The Teaching of Amenemope and Its Connection with the Book of Proverbs”, *Tyndale Bulletin* 28 (1977), 29-68.

Papyrus Carlsberg 6 (конец XVIII династии), на котором частично сохранилось Поучение Мерикара. Библиотека Копенгагенского университета.

Притчей. Он обсуждает некоторые аргументы за и против влияния египетского текста на автора книги Притчей. Кстати, сам Каррид считает, что прямой связи между этими произведениями нет.^[19] Согласно Карриду, те параллели, на которые указывают исследователи, либо достаточно поверхностны, либо обусловлены общностью тем, интересовавших мудрых мужей всего древнего Ближнего Востока. С этим можно было бы согласиться, если бы наиболее схожие моменты были более равномерно распределены по всему тексту книги Притчей, а не концентрировались в одном фрагменте.

Так что же все-таки объединяет Екклесиаста, Иова и книгу Притчей с языческими произведениями древнего Ближнего Востока? Если говорить о египетской литературе, которая чаще всего приводится в качестве наиболее близкой по многим признакам к ветхозаветной литературе мудрости, то ее объединяет с библейскими книгами удивительная схожесть в тематическом охвате, дидактическое использование притчей и высокие стандарты *упорядоченного* образа жизни.^[20] Кроме того, как верно отмечает Акимов в своей статье о литературе мудрости, «книги мудрых объединяют их антропоцентризм, особое восприятие человека, то, что затрагиваемые в них темы имеют общечеловеческий характер».^[21] Этим подчеркивается светская направленность многих изречений. Антропоцентризм книг мудрых отмечают и другие исследователи, но необходимо сделать одну очень важную оговорку: антропоцентризм не следует трактовать в современном гуманистическом понимании этого слова. Едва ли следует относить понятие «светская мудрость» в полной мере к тем идеям, которые выражали древние мудрецы. Конечно, не все произведения древности посвящены религиозной тематике, но все равно мироощущение древнего человека, будь то мудреца или обычного человека, было пронизано религиозным чувством. Когда-то Л.Н. Толстой сказал о А. П. Чехове, что у того «совершенно нет окна в религиозное». Так вот, о

^[19] John D. Currid, *Ancient Egypt and the Old Testament* (Grand Rapids: Baker Books, 1997), 215.

^[20] См. Scott, *The Way of Wisdom in the Old Testament*, 32-33.

^[21] В.В. Акимов, «Литература мудрости...», 134.

литературе мудрости древнего Ближнего Востока этого не скажешь. Даже в самых светских и нерелигиозных текстах имеется какое-нибудь потайное окошечко в религиозное. Древний человек по сути своей был homo religiosus.^[22]

Тремпер Лонгмен III отмечает целый ряд других схожих мотивов, объединяющих еврейскую мудрость с мудростью египетской, шумерской, аккадской и северо-западной семитской проverbsальной литературой.

1. Отец – сын. Часто в прологах, да и в основных частях текстов древней ближневосточной литературы мудрости, встречается обращение отца к сыну. Не всегда понятно, идет ли речь о биологической связи между ними или же профессиональной, т.е. отношениях между наставником и учеником. Возможно, обе интерпретации верны, но текст книги Притчей иногда включает и наставление от матери, что делает вариант биологической связи в некоторых случаях более вероятным.
2. Глупый и мудрый. Названные этими терминами часто видятся как люди с разными отношениями к упорядочивающим, руководящим принципам жизни. Если мудрый соотносит свои действия с принципами, которые направляют его жизнь по верной стезе, то глупый часто идет напролом, не считаясь с методами и последствиями.
3. Поведение перед лицом царя. Возможно, большинству из современных людей, не входивших в царские палаты, будет трудно понять, зачем столько внимания уделяется придворному этикету, но следует помнить, что литература мудрости часто писалась как раз людьми очень близкими к царю, а то и самими монархами. Поэтому поучения, касающиеся поведения человека в присутствии царя, были тогда очень уместны (Притчи 23:1-3).^[23]

Страдания добрых людей как вызов принципу «будь благочестив и тебе воздастся»

◆ Если пользоваться обобщенными понятиями, то всю древнюю литературу мудрости – ближневосточную и еврейскую – можно разделить на две основных категории. Первая категория – это традиционная или консервативная литература, выражающая чаще всего в виде коротких и емких единиц текста веру в незыблемость определенных правил жизни, а также установленную меру воздаяния за следование этим правилам или же отвержение их. Мудрость в произведениях такого рода преподносится в виде прямых постулатов или аксиом вроде следующего изречения из «Почтения гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» (XXII век до н.э.):

^[22] Ben Witherington III, *Jesus the Sage: The Pilgrimage of Wisdom* (Minneapolis: Fortress Press, 2000), 13.

^[23] Longman III, *How to Read Proverbs*, 70-75.

^[24] «Почтение гераклеопольского царя

своему сыну Мерикара», *Хрестоматия по истории Древнего Востока*, 1 том, ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина (Москва: Высшая школа, 1980), 32.

«Твори истину, и ты будешь жить долго на земле».^[24]

Ср. «Уповай на Господа и делай добро; живи на земле и храни истину... Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек...» (Пс. 36:3,27).

Книга Притчей – наиболее репрезентативный пример данного конвенционального типа литературы мудрости в Библии.

Помимо правильной генеральной линии, нормативной дидактики, отстаивающей непреложность принципа «праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живет долго в нечестии своем» (Еккл. 7:15), существует, так сказать, побочная, корректирующая линия. К ней относится литература второй категории, которая нередко подвергается сомнению незыблемость и безысключительность этих непреложных принципов.

Этот подход выражается в высвечивании правды жизни, которая часто противоречит правильному, но несколько упрощенному взгляду на жизнь человека... К этой категории относятся так называемые кризисные тексты, которые, по выражению Емельянова, выражают «чувства растерянности перед бедствиями жизни и осознания невозможности понять замысел богов в отношении судьбы конкретного человека».^[25]

Это, как правило, тексты о человеке, доведенном до отчаяния. Как пишет тот же Емельянов, «в этой ситуации египетский человек хочет покончить с собой, а вавилонянин, больше привыкший к различного рода потрясениям, надеется на милость богов».^[26] К таким текстам относятся, например, египетские произведения «Песни арфиста» и «Речение Ипувера».

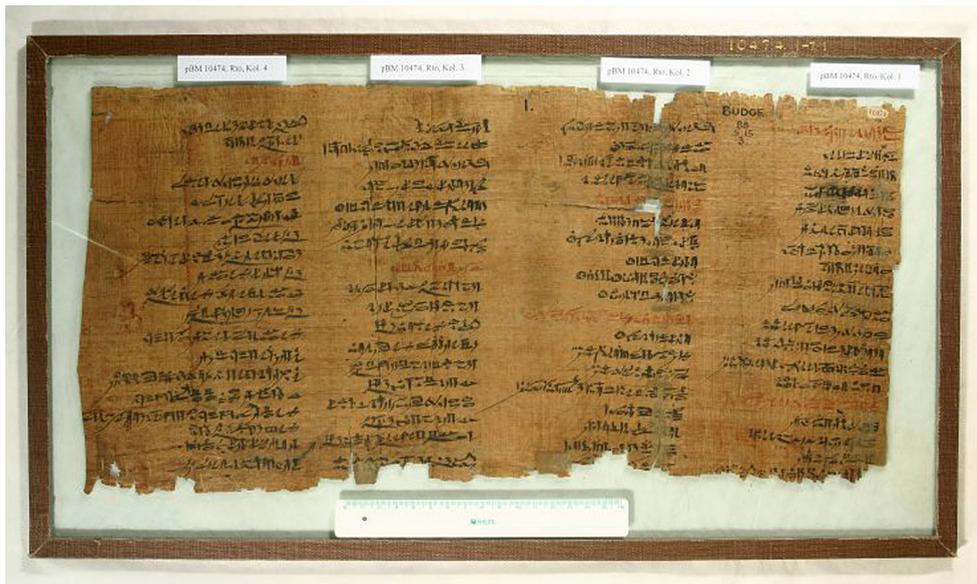
В древности было написано немало книг, которые содержат схожие с книгой Иова темы и предлагают похожие решения этих тем (например, «Речение Ипувера», оригинал которого был написан, скорее всего, в XXI в. до н.э.). Примерно в это время был написан и «Рассказ красноречивого крестьянина». Это повесть о человеке, с которым обошлись плохо: которого ограбили, украли у него ослов. И вот этот крестьянин пытается найти правду, обращается с жалобами и, наконец, после девяти таких обращений добивается справедливости. Шумерская поэма «Человек и его бог» тоже часто приводится в качестве книги, которая может претендовать на роль родственного Иову сочинения, т.е. произведения, в котором можно найти определенные параллели с книгой Иова. Тема болезни богатого, но честного человека является центральной в этой древней поэме (около 2000 лет до н.э.). В ней присутствуют схожие этапы развития произведения: болезнь, плач, мольба к богу о помощи, исцеление, но, в данном случае, посредством изгнания беса болезни.

Есть еще одна поэма, которую часто называют «Вавилонский Иов». В ней отслеживается похожая тематика: страдания знатного человека, не заслуживающего мучений, человека, который пытается разобраться, зачем боги ниспослали ему такие бедствия. И только испив чашу страданий, этот человек получает от бога Мардука видение, а потом и исцеление.

^[25] В.В. Емельянов, *Ритуал в древней Месопотамии* (Санкт-Петербург: Азбука-

классика, 2003), 189.

^[26] Ibid.

Поучение Аменемопе (XII в. до Р.Х.). Британский музей.

Если сравнивать книгу Иова с таким произведением, как «Беседа разочарованного со своей душой», можно увидеть еще один пример описания судьбы во всех смыслах достойного человека, но не получившего от жизни должное воздаяние, то есть человека, судьба которого не совсем укладывается в русло доминирующего принципа воздаяния по заслугам. В отличие от Иова, который ищет ответ от Бога здесь на земле, надеется на то, что Бог удостоит его ответом и возродит к жизни, герой «Беседы» не находит утешения, справедливости, не видит надежды на какой-то благополучный поворот в своей судьбе. Поэтому он стремится к потустороннему – миру богов. Стоит при этом помнить, что эта устремленность к загробному миру, от которой веет романтикой смерти, вообще свойственна египетской религии. Напомню также, что жизнь и смерть египтянами часто рассматривалась как неотъемлемые этапы человеческого бытия. Помимо известной доли осознания отчетности перед богами (например, перед Осирисом), мы не находим какого-либо очернения смерти.

Согласно представлению древних египтян, в человеке заключено единство двух противоположностей: физического тела (хат, «рыба») и бессмертной души (ба, «птица»). Таким образом, смерть видится больше избавлением от страданий и оков и дальнейшим продолжением странствования человека во вселенной.^[27] Так, например, встреча со смертью описывается в одном египетском произведении: «Сегодня смерть стоит

^[27] Е. Сикирич, «Вечная мудрость Древнего Египта», <http://www.newacropol.ru/Alexandria/civilization/egypt/wisdom/wisdom/>

^[28] См. М. Мангано, ред. *Введение в Ветхий Завет* (Москва: Духовная академия ап. Павла, 2007), 247-249.

^[29] Scott, *The Way of Wisdom in the Old Testament*, 33.

передо мною, подобно сильному желанию увидеть свой дом после долгих лет, которые ты провел в заключении» («Диалог человека со своей душой “ба”»).

Все эти произведения (кризисные тексты) так или иначе соприкасаются с вопросом справедливости или правомерности наказания или, вернее, ниспослания бедствий людям, которые, возможно, менее всего заслуживают их. В них довольно часто встречаются идеи и мысли, созвучные книге Иова, выражается глубина уязвимости человека, находящегося в состоянии страждущего без вины. В некоторых из этих и подобных им произведений присутствует друг, который исполняет роль и утешителя, и истолкователя сути проблемы, с которой столкнулся их страждущий товарищ. Но, в отличие от книги Иова, не во всех произведениях затрагивается вопрос теодицеи или справедливости Бога.^[28] Кроме того, в книге Иова выражается надежда на то, что воздаяние возможно и неизбежно еще в этой жизни, в то время как в египетской литературе часто вопросы воздаяния переносятся на время посмертного существования души.^[29]

Автор этой статьи хотел бы обратить внимание читателя на произведение, которое содержит, возможно, меньше параллелей на уровне содержательных деталей текста, но которое удивительно созвучно Иову постановкой вопроса: справедлив ли Бог ко мне? Сочинение, о котором пойдет речь, называется «Вавилонская теодицея».^[30] Данное произведение — аккадская поэма, которая была написана в XI в. до н.э. вавилонским жрецом-заклинателем Эсагилкиниуббибом. Текст этой поэмы достаточно хорошо сохранился, хотя и не без потери ряда фрагментов.^[31] Почему именно на ней мы делаем акцент? Дело в том, что исследователи, на мой взгляд, чаще обращаются к сравнительному анализу литературы первой категории, т.е. текстов, состоящих из коротких притчеобразных, почти афористических изречений. «Вавилонская теодицея» и книга Иова относятся ко второй категории, т.е. к так называемым кризисным произведениям. Большинству читателей интересно наблюдать за тем, как разные авторы описывают человека в минуты глубочайшего жизненного кризиса. К кому обращается такой человек, когда получает удар под дых? У кого ищет поддержки? Могут ли его принципы выдержать испытания превратностями судьбы? Откуда человек берет силы для того, чтобы справиться с ударом, который ему, подчас неожиданно, наносит жизнь? Кому он адресует свой крик души и те вопросы, которые возникают в результате неравной схватки с новыми обстоятельствами жизни? Получает ли он ответы на эти и другие подобные вопросы, и каково содержание этих ответов?

В «Вавилонской теодицее» мы видим, как страдалец и утешающий его друг обсуждают вопросы, которые «прошлись» по жизни этого страдальца.

^[30] См. «Вавилонская теодицея», *Хрестоматия по истории Древнего Востока*, 1 том

(Москва: Высшая школа, 1980), 185-190.

^[31] *Ibid.*, 185.

В отличие от друзей Иова, друг выражает гораздо больше сочувствия и понимания. Может быть «Вавилонская теодицея» описывает тот случай, когда «законы святы, да законники супостаты», т.е. принципы верны, но человек в силу своего несовершенства не может воплотить их в жизни вполне; он — не робот, который действует по заданной программе. Как воплотитель принципов человек не всегда бывает на высоте. С другой стороны, и жизнь почти всегда сложнее простой причинно-следственной модели.

В отличие от книги Иова, в «Вавилонской теодицее» только два участника: страдалец и друг, который помогает ему разобраться в причине его страданий. Страдалец сетует не только на свои беды, но и сквозь призму своего несчастья отмечает вопиющую несправедливость в мире, страдания невинных и беспросветность жизни вообще. Друг пытается утешить его, прибегая к традиционным аргументам. В отличие от Иова, которого явно раздражают непонимание и односторонность суждений друзей, страдалец с почтением относится к другу, его мудрости и учительному статусу («Склоняюсь, мой друг, пред тобой; мудрость твою принимаю. [Слушаю] слово речи твоей...»). Но и друг, надо сказать, шадит страдальца своими ответами, хотя при этом не пытается выйти за рамки традиционной мудрости в решении проблем страдающего товарища.

Что такого трагического произошло с героем этого произведения? Давайте обратимся к тексту и дадим ему слово (выборочно).

Речь страдальца

«[7.] Где же советчик? — хочу рассказать [свое] горе:
 Конченный [я человек]: настигло [меня] страданье.
 Младшим я был [в семье], — и судьбою отец похищен;
 Мать, [что] меня родила, обратилась к «Стране без возврата».
 Отец и родительница моя оставили меня без защиты...»

«[27.] Скоровано тело, нужда [меня мучит],
 Успех мой минул, прошла удача,
 Сила ослабла, кончилась прибыль.
 Тоска и беда затмили мой облик.
 Хлеба с полей для еды не хватает,
 Сикеры, живящей людей, не достает для питья мне.
 Наступят ли [вновь] дни счастья? — [вот что] знать хочу я...».

«[70.] Дорогой успеха идут те, кто не ищут бога,
 Ослабли и захирели молившиеся богине.
 Сызмальства следовал я воле божьей,
 Простершись, с молитвой искал богиню.
 [Но] я влек ярмо бесприбыльной службы,
 Бог положил вместо роскоши бедность;
 Дурак впереди меня, урод [меня] выше, —
 Плуты вознеслись, а я унижен».^[32]

«[250.] *Что получил я от бога, которому поклонялся?*
 (курсив мой. — В.Г.)»

Речь друга

а) Разъяснительно-критическая часть

«[35.] Рассудок твой стройный, точно безумец, ты [спутал],
Рассеянным и неразумным сделал ты [поведенье].
Слепому [лик] твой прекрасный ты уподобил...»

«[78.] Воистину, умница [мой], тому, что открыл ты; —
нет подтвержденья!
Истину ты отвергаешь, предназначанья бога поносишь!»

«[84.] Верно понять [решенья богов заказано человекам],
Замыслы их для людей [недоступны]...»

«[212.] Мыслям искусным твоим ты заблудиться позволил.
... изгнал ты мудрость.
Разумное ты *презрел*, установленное опоганил».

«[235.] Что до плута — завидовал ты его процветанью —
Прыть его ног исчезнет скоро!
Без бога мошенник владеет богатством, —
Оружье убийцы его настигнет!
Что твой успех, если божьей воли не ищешь?
У влачащего божье ярмо достаток скромный, [но] верный.
Найди благое дыханье бога, —
И что за год утратил, восстановишь тотчас...»

«[254.] Искусный, ученый, знанья обретший,
Озлоблено сердце твое, — [потому и] поносишь бога.
Как середина небес, сердце бога далеко,
Познать его трудно, не поймут [его] люди...»

б) Утешение нормативной мудрости

«[20.] Лоснится богач, — кто его осчастливил? —
Служащий богу — в делах удачлив,
Чтущий богиню — копит богатства».

«[38.] То, что ты неотступно желаешь, — [получишь]:
Прежняя сень по молитве [вернется],
Примиренная богиня возвратится по [просьбе];
[Те, кто тебя не] прощали, сжалятся над тобою.
Разумения справедливости ищи постоянно».

На что готов пойти страдалец, чтобы доказать свою правоту? До какой степени возмущения Творцом готов он дойти? Страдалец обвиняет бога в «системном» разладе мира: «Вгляделся в мир — дела [обстоят] по-другому: Демону бог не закрыл дорогу».^[33] Он ищет возможности «досту-

^[32] Ср. слова Асафа в Пс. 72, «...нечестивые благоденствуют в веке сем, умножают богатство. Так не напрасно ли я очищал сердце мое и омывал в невинности руки мои, и подвергал себя ранам всякий день и обличениям всякое утро?» (ст. 12-14).

^[33] Кстати, нетрудно представить, что эти слова могли быть произнесены и библейским Иовом. Он тоже мог сказать, что с делами в мире что-то неладно, сатане Бог не закрыл дорогу.

чаться до небес», доказать богу, что заслуживает лучшего. Друг в поэме отвечает за «теодицейный» аспект, предлагая целый набор классических аргументов в пользу правильности мироустройства и судьбы страдальца.

В конечном итоге страдалец продолжает возносить свои мольбы о милости к богам, оплакивая свою участь. В какой-то момент он объявляет, что отправится скитаться по широкой степи, «в дом за домом буду входить, утолю голод, буду голодным бродить, буду по улицам рыскать». Едва ли его удовлетворили утешительные речи друга, который, исчерпав все попытки убедить страдальца смириться, выводит, что зло, ложь и несправедливость являются неотъемлемыми атрибутами человеческого бытия, характера человека, таким, каким его сотворили боги. Как указывает Мерфи, несмотря на то, что это произведение и книгу Иова объединяет проблема состояния человека в момент большого жизненного потрясения, существует одно важное отличие: в Вавилонской теодицее содержится указание на то, что боги создали человека с склонностью ко злу.^[34]

«[276.] [Друг]: Царь богов Нарру, человекво создавший,
 Зулуммар великий, добывший их глину,
 Царица, лепившая их, владычица Мама,
 Кривую речь человечеству дали;
 Наделили его навсегда неправедностью и ложью».

В своем опыте переживания горя, как уже отмечалось, страдалец проявляет редкую способность видеть несчастье и несправедливость других людей. Он видит вещи в самом широком контексте, усматривая одну из главных причин бедствия в нарушении вековых социальных устоев.^[35]

«[180.] [В жалкое рубише] одет царевич,
 [В роскошный наряд] облачен сын бедняка и голодранца.
 Кто солод стерег — золотом [владеет],
 Кто [мерой] червонное мерил — [тяжкую ношу] таскает.
 Кто ел [одну] зелень — [пожирал] обед вельможи,
 А сыну почтенного и богатого дикий плод — [пропитанье!]
 Рухнул богач; далеко ...»

Для древних авторов большим злом виделась инверсия социальных статусов, выражавшаяся в уничтожении людей благородного происхождения и возвышении черни (см. «Речение Ипувера» (более раннее прочтение — Ипусера)^[36]). Особенно это касается египетской литературы. Как отме-

^[34] Murphy, *Wisdom Literature and Psalms*, 22-23.

^[35] В отличие от страдальца из «Вавилонской теодицее» Иов гораздо больше озабочен своими проблемами, своим горем, своей тяжкой со Всевышним. Благодаря этому фокусу библейское произведение позволяет взглянуть на динамику взаимоотношений Бога, допустившего страдания праведного Иова, и человека (Иова) в

контексте одной коллизии, одной отдельно взятой истории жизни.

^[36] По своему тону «Речение Ипувера» больше подобно жалобной песне, вроде Плача Иеремии, чем размышлению мудрых о принципах разумного бытия (ср. «Воистину: смех забыт. Он нигде не слышен. То, что слышно в стране, — это стенания, смешанные с воплями. Воистину: азиаты все стали подобны египтянам, а

чает Вейнберг, «в шкале древнеегипетских ценностей одно из высших мест занимает устойчивость, незыблемость, долговечность... Именно поэтому древний египтянин воспринимал нарушение этой устойчивости и незыблемости как величайшую катастрофу».^[37] Вот типичный пример протеста против такой социальной перевернутости в мире: «Воистину: простолюдины сделались владельцами драгоценностей. Тот, который не мог изготовить себе [даже сандалии], стал теперь собственником богатств... Воистину: благородные в горе, простолюдины же в радости... Воистину: земля перевернулась, подобно гончарному кругу».^[38]

В заключение краткого обзора «Вавилонской теодицеи» отметим, что, если страдалец вопиет о нарушении этого порядка, то друг, наоборот, говорит о невидимых путях богов по восстановлению порядка. Друг то и дело обращает внимание на определенные ретрибутивные законы, которые действуют по воле богов. Этим законам подчиняются не только люди, но и животные.

«[58.] Ты ведь стоишь на земле, [а] замыслы бога далече.
Взгляни на красавца-онагра в [долине], —
Строптивца, что нивы топтал, стрела опрокинет.

Приди, увидь врага стад, льва, о котором ты вспомнил, —
За преступленья, что лев совершил, ему уготована яма.

Пышного богача, что имущество [в кучи] сгребает,
Царь на костре сожжет до сужденного [ему] срока».

Заключение

◆ Подытоживая вышеизложенные рассуждения, сформулируем наиболее существенные выводы.

Во-первых, изучение древних произведений ближневосточной мудрости еще раз демонстрирует, что ветхозаветная литература мудрости является одновременно и частью общей традиции мудрости, бытовавшей на древнем Ближнем Востоке, и уникальной особенностью народа, который, воспринимая лучшие поучения мудрых других стран, тем не менее в ключевых аспектах своего мировоззрения отличался от них. Тора поистине была спасительным якорем в бушующем море идей. Тора и ковенантные отношений с Яхве — основные преимущества яхвизма, в контексте которого развивалась литература мудрости Израиля. Исполнение заповедей Торы и пребывание в заветных отношениях с Яхве —

египтяне [стали] подобны — чужеземцам, выкинутым на дорогу». «Речение Ипусера», *Хрестоматия по истории Древнего Востока*, 1 том (Москва: Высшая школа, 1980), 44.

^[37] И.П. Вейнберг, *Человек в культуре древнего Ближнего Востока* (Москва: Наука, 1986), 20-21.

^[38] «Речение Ипусера», 43. Кстати, в книге Притчей содержится похожий пассаж: «От трех трясется земля, четырех она не может носить: раба, когда он делается царем; глупого, когда он досыта ест хлеб; позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей» (Пр. 30:21-23).

Речение Ипувера, (папирус № 339). Лейденский музей.

отличительная черта израильской/библейской мудрости. Благодаря соблюдению заповедей и, соответственно, пребыванию в строго очерченных границах завета, Израиль должен был стать образцовым народом для всех других, так как обладал мудростью об Бога. «Итак храните и исполняйте их [постановления и законы], ибо в этом мудрость ваша и разум ваш (*хохматхэм увинатхэм*) пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный (*ам-хахам вэнавон*)» (Втор. 4:6).

Наличие параллелей не отменяет того факта, что произведения, даже самые близкие ветхозаветной литературе мудрости по содержанию, форме и духу, порой содержат утверждения прямо противоположные тем, которые приводятся в библейских книгах. Это достаточно очевидное замечание, но порой, увлекаясь поиском параллелей и действительно находя их в изобилии, мы можем слишком поспешно прийти к выводу, что ветхозаветные книги древнего Израиля и произведения древнего Ближнего Востока – вещи абсолютно однородные. На самом деле, иногда даже тексты, близкие по содержанию и даже форме к библейским, почти убеждающие читателя в том, что какое-то из изучаемых произведений, ветхозаветное или ближневосточное, оказало влияние на автора более позднего сочинения (чаще ветхозаветного), вдруг звучат совсем по-другому, содержат порой совершенно неожиданные мотивы. В «Поучении Мерикару» среди вполне созвучных книге Притчей строк есть, например, такие: «Создавай прекрасные памятники для бога, живет в этом имя того, кто это делает». Или, например, еще один текст из этого же произведения: «Прощает тот, кто оставляет о себе память... Пра-

^[39] «Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», 32.

^[40] Ibid.

^[41] См. Longman III, *How to Read Proverbs*, 63-64.

ведный живет вечно...».^[39] В Притчах содержатся похожие тексты: «Память праведника пребудет благословенна» (Пр. 10:7) и «правда [праведность (цедака)] же спасет от смерти» (Пр. 11:4). Но вышеприведенный отрывок из «Поучения Мерикару» был дан в несколько неполном виде. Вот полная цитата: «Процветает тот, кто оставляет о себе память, так как нет праведности ни для миллионов людей, ни для владыки Обеих Земель (бог солнца Атум — владыка Верхнего и Нижнего Нила, «владыка Обеих Земель»). Праведный живет вечно, избегает смерти тот, кто идет вместе с Осирисом, подобно свободному...».^[40]

Во-вторых, во многом отправной точкой расхождения между понятием мудрости в древнем Израиле и, скажем, Египте и Месопотамии было то, что евреи, как бы они ни мыслили (независимо, гуманистически, антропоцентрично и т.д.), всегда считали, что источником мудрости является Яхве. Для народов древнего Ближнего Востока мудрость иногда представлялась либо атрибутом бога или богини (Эа или Энки, Тот, Сешат, Набу), либо неким независимым принципом вроде маат.

В-третьих, некоторые исследователи, в частности Тремпер Лонгман III, выражают удивление тем, что ветхозаветные авторы касаются тех же тем, которые интересовали их языческих собратьев по перу за столетия до того, как была написана литература мудрости, вошедшая в канон Ветхого Завета.^[41] Для того чтобы удивление не переросло в панику, необходимо вспомнить, что ничто так не стабильно, как человеческие пороки, соответственно преодоление этих пороков, обретение почвы под ногами — процесс, который можно назвать приобретением мудрости, — всегда будет основной задачей для мудрецов и мыслителей всех времен и народов (это все равно, что сказать, что пока существуют болезни, всегда будет необходимость во врачах, независимо от времени и места обитания врачей, пациентов и их болезней).

В-четвертых, возможно, стоит все-таки попытаться вывести дискуссию о сравнительном анализе одной литературы древности с другой из области чисто литературного исследования в сферу изучения возможности и степени социокультурного взаимодействия, которое нашло отражение в литературных произведениях древних и Ветхого Завета, а также попытаться увидеть, как отмечает Джон Уолтон, как точки соприкосновения (общность), так и отличительные особенности в когнитивном окружении (*cognitive environment*) древнего мира.^[42]

В-пятых, ряд понятий, встречающихся в египетской и вавилонской литературе, помогают нам еще раз посмотреть на истины ветхозаветной литературы мудрости не просто как на набор максим морально-житейского характера, а как на указатели к гармонии и порядку. В этом плане книги мудрости можно рассматривать как движение к порядку снизу, от истоков народных.

^[42] John H. Walton, *Ancient Near Eastern Thought and the Old Testament: Introducing the*

Conceptual World of the Hebrew Bible (Grand Rapids: Baker Books, 2006), 304.

Библиография

- Ассиро-вавилонский эпос*. Пер. В.К. Шилейко. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
- Поэзия и проза древнего Востока*. Под ред. И. Брагинского. Москва: Художественная литература, 1973.
- Акимов, В.В. «Литература мудрости: Древний Израиль и страны Ближнего Востока». *Труды Минской духовной семинарии* 6 (2008): 133-158.
- Борухович, В. Г. *В мире античных свитков*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1976.
- Брестед, Д, Тураев, Б. *История Древнего Египта*. Минск: Харвест, 2003.
- Вейнберг, И.П. *Человек в культуре древнего Ближнего Востока*. Москва: Наука, 1986.
- Гордон, С. *Забытые письмена*. Пер. Э.С. Русиновой. Санкт-Петербург: Евразия, 2002.
- Емельянов, В.В. *Ритуал в древней Месопотамии*. СПб.: Азбука-классика, 2003.
- Мангано, М., ред. *Введение в Ветхий Завет. С заметками по истории толкования Ветхого Завет и истории библейской археологии*. Москва: Духовная академия ап. Павла, 2007.
- Сикирич, Е. «Вечная мудрость Древнего Египта». <http://www.newacropol.ru/Alexandria/civilization/egypt/wisdom/wisdom/>
- Синило, Г.В. *Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа (Ветхого Завета)*. Минск: Экономпресс, 1998.
- Сказки и повести Древнего Египта*. Пер. И.С. Кацнельсона и Ф.Л. Мендельсона. Москва: Гослитиздат, 1956.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока*. 1 том. Под ред. М. А. Коростовцева, И. С Кацнельсона, В. И. Кузицина. Москва: Высшая школа, 1980.
- Ценгер, Э., ред. *Введение в Ветхий Завет*. Москва: ББИ, 2008.
- Anderson, B.W. *The Living World of the Old Testament*. Harlow: Longman, 1991.
- Blenkinsopp, J. *Wisdom and Law in the Old Testament: The Ordering of Life in Israel and Early Judaism*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Clifford, R., ed. *Wisdom Literature in Mesopotamia and Israel*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2007.
- Currid, J. D. *Ancient Egypt and the Old Testament*. Grand Rapids: Baker Books, 1997.
- Day, J., Gordon, R.P., Williamson, H. G. M, eds. *Wisdom in Ancient Israel: Essays in Honour of J.A. Emerton*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Enns, P. *Poetry and Wisdom*. Grand Rapids: Baker Books, 1997.
- Estes, D.J. *Hear, My Son: Teaching and Learning in Proverbs 1-9*. Leicester: Apollos, 1997.
- Gammie, J., Perdue, L. *The Sage in Israel and Ancient Near East*. Winona Lake: Eisenbrauns, 1990.
- Goldsworthy, G. "Wisdom and its Literature in Biblical-Theological Context". *Southern Baptist Journal of Theology* 15.3 (2011): 42-55.
- Gordis, R. *Koheleth — The Man and His World: A Study of Ecclesiastes*. New York: Schocken Books, 1968.
- Kitchen, K.A. "Proverbs and the Wisdom Books of the Ancient Near East: The Factual History of the Literary Form". *Tyndale Bulletin* 28 (1977): 69-114.
- Lambert, W.G. *Babylonian Wisdom Literature*. Winona Lake: Eisenbrauns, 1996.
- Longman, Tremper, III. *How to Read Proverbs*. Downers Grove: InterVarsity Press, 2002.
- Matthews, V.H., Benjamin, D.C. *Social World of Ancient Israel*. Peabody: Hendrickson, 1993.
- Murphy, R. E. *The Wisdom Literature: Job, Proverbs, Ruth, Canticles, Ecclesiastes, and Esther*. Grand Rapids: Eerdmans, 1981.
- _____. *Wisdom Literature and Psalms*. Nashville: Abingdon Press, 1983.
- Orlin, L. *Life and Thought in the Ancient Near East*. Ann Arbor, Michigan: The University of Michigan Press, 2007.
- Perdue, L. *Wisdom in Revolt: Metaphorical Theology in the Book of Job*. Sheffield: JSOT Press, 1991.
- Rad, G., von. *Wisdom in Israel*. Tr. James D. Martin. London: SCM Press, 1972.
- Pritchard, J.B., ed. *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Princeton: Princeton University Press, 1969.
- Rendtorff, R. *The Old Testament: An Introduction*. Philadelphia: Fortress Press, 1986.
- Ruffle, J. "The Teaching of Amenemope and Its Connection with the Book of Proverbs". *Tyndale Bulletin* 28 (1977), 29-68.
- Scott, R.B.Y. *The Way of Wisdom in the Old Testament*. New York: The Macmillan Company, 1971.
- Snell, D., ed. *A Companion to the Ancient Near East*. Oxford: Blackwell, 2005.
- Waltke, B.K. "The Book of Proverbs and Ancient Wisdom Literature". *Bibliotheca Sacra* 136 (July-Sept. 1979): 211-38.
- Walton, J.H. *Ancient Israelite Literature in Its Cultural Context*. Grand Rapids: Zondervan, 1990.
- _____. *Ancient Near Eastern Thought and the Old Testament: Introducing the Conceptual World of the Hebrew Bible*. Grand Rapids: Baker Books, 2006.
- Witherington, Ben, III. *Jesus the Sage: The Pilgrimage of Wisdom*. Minneapolis: Fortress Press, 2000.